

**«НЕОБЫЧНЫЕ» ДЕТИ КАК ПРОБЛЕМА
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ставится проблема своеобразных детей, наделенных особым чувством слова или гармонии. Их называли одаренными, талантливыми, «солнечными»; детьми-индиго; эти дети – не только радость и надежда взрослых, но и их огорчения, настойчивый вопрос, разводящий «отцов» и «детей» в разные стороны. Истоки и проявления этой «необычности» и одаренности – тема настоящей статьи.

Ключевые слова: талантливые дети, речевое поведение, «якорь», память, воспитание.

The problem of peculiar children endowed with a special sense of word or harmony is posed. They were called gifted, talented, «Sunny»; children-Indigo; these children – not only the joy and hope of adults, but also their grief persistent question, separating «fathers» and «children» in different directions. The origins and manifestations of this «singularity» and giftedness are the subject of this article.

Keywords: talented children, speech behavior, «anchor», memory, education.

Этих детей принято называть по-разному. Кто-то титулет их «индиго», кто-то уверенно именуется «солнечными»; для кого-то они – результат неистовой родительской любви, для других – пришельцы из иных миров, случайно оказавшиеся на земле. Одно не вызывает сомнения: эти дети обладают способностями, каких нет у других, а значит, их картина мира может оказаться совершенно отличной от аналогичных картин мира их родителей и сверстников. Причем если грамотный педагог приучит относиться к таким детям к подобающим уважением, то родители могут оказаться в плену слабо осознаваемой бязни, когда ребенок дает обстоятельные ответы на их вопросы, на которые любой сверстник с трудом отыщет одну-две фразы. Это вызывает тем большую тревогу, что подробной информации по этому вопросу, в его-то возрасте, ребенок попросту не мог получить. Но – дает обстоятельные ответы.

Женщина поет песню из репертуара Кристалинской – и, подражая певице, выводит: «... курлычат журавли». «Курлычут», – уверенно исправляет оказавшийся рядом племянник-второклассник; о спряжениях глаголов он не знает. Как не знает и того, откуда ему известно, как писать слова. Но тетка не задается этим вопросом: она согласно кивает, ни на миг не сомневаясь, что прав именно он, а не певица. Совершенно аналогичный случай. Пионервожатая выводит на доске: «Мы шли под грохот конанады». Третьеклассник, никогда не решавшийся перечить старшим, неожиданно выкрикивает: «Тут ошибка! Надо “канона-

ды”!). На вопрос учительницы, где он видел это слово, – ответить он ничего не может; вполне возможно, что и не видел. Но – словно чувствует, как надо...

Ученик читает написанные накануне стихи учительнице. Она вскрикивает: это же о том, как к ней приходил ее любимый человек – приходил, потоптался на пороге и неуверенными шагами побрел обратно, как потом ей поведала видевопоявляющаяся соседка. Она говорила это ученику – в тот день она вообще больше ни о чем думать не могла: гость объявил соседке, что уезжает из страны навсегда! Но она ничего не сказала о своих чувствах к тому человеку, да вообще о любви ее ученику знать рано. И вот – стихи. Да такие, какие мог написать лишь взрослый человек! К тому же, она не говорила ни о встречах с тем человеком, ни о его характере. Но стихи – словно череда кадров кинохроники. Откуда у парня все это?!

Примеры изложены вовсе не затем, чтобы кто-то восхитился пронизательностью и неведомо откуда берущимися у таких детей знаниями. Цель совсем другая: важно понять, что эти дети существуют, но впереди у них – репутация «странных», даже опасных, ведь, оказываясь центром любой компании, они в конце концов теряются, «уходят в себя», норовя забиться в спасительное для них одиночество. У них словно две жизни, два «я», как у актера, который, воплотив сценический образ, без сил падает на стул в гримерной и мене всего хочет видеть поклонников. Он был (она была) Гаевым или Отелло, Катериной или Офелией, и «отблески», рефлексии театрального образа ложатся на всю их жизнь. Но спектакль окончился – и предстоит думать о поведении сынишки-школьника, о высаженной на даче грядке огурцов: увидев их за этими размышлениями, поклонники придут в ужас, ведь Гамлет не может думать о сломавшейся и требующей замены стиральной машине! Точно так и наши дети «индиго»: привыкнув быть в центре компании, сыпать каламбурами, вести за собой, – они рано или поздно приобретают репутацию нелюдимых отшельников, ведь только наедине с собой они могут отдохнуть от того немислимого духовного напряжения, которое им, подобно актерам на сцене, необходимо для поддержания своего статуса вождей и пророков!

Такие дети способны быть невыносимыми. Они, еще совсем маленькие, имеют неожиданно прочные убеждения, изменить которые их не заставит даже авторитет отца или матери. Они не прощают лжи: тот, кто слукавил, навсегда (или надолго) исключается ими из перечня уважаемых людей. Реноме учительницы, сделавшей ошибку, безнадежно пострадает, а эта ошибка непременно подтекстом будет вспоминаться при любом разговоре с той учительницей, вконец разрушая их взаимоотношения. Лидеры по своей натуре, темпераментные и вспыльчивые, они периодически впадают в состояние апатии, когда их ничто не трогает. Вероятно, как раз о таком состоянии у будущего великого поэта говорит Ю. Н. Тынянов, рассказывая о смерти Николая – младшего брата Пушкина, который тогда сам был совсем маленьким. Говоря о сломленных горем

родителях Пушкина, писатель констатирует: «Один Александр был равнодушен. Он вместе со всеми приложился к бледному лбу и не узнал того, кого еще неделю назад дразнил» [1, с. 89].

Вместе с тем такие дети способны быть аналитиками – у них память, безотносительно к сознанию, накапливает данные о внешнем и внутреннем мире, чтобы потом эти данные, приведенные в гармонию и рассортированные по внутренним файлам и папкам, стали основой их суждений. В. В. Набоков пишет о своем герое: «...Он, читая, вновь пользовался всеми материалами, уже однажды собранными памятью для извлечения из данных стихов, и все, все восстанавливал...» [2, с. 22]. Вероятно, во многом специфика этих детей обусловлена их памятью – накапливающей информацию, чтобы однажды, внутренне организовавшись, эта информация появилась в виде нового текста, картины, симфонии, а иногда и просто интересных и ярких суждений, ставящих слушателя в тупик своей внезапностью и смелостью.

Дети такого рода (умение творить есть у них всегда: важно только отыскать его и создать условия для его реализации) также нередко задумываются о том, что информацию им «диктуют», а они ее – «считывают», и нет перспективы более страшной, чем однажды не услышать этот «диктующий» голос, не ощутить его в себе. О том, что этот фантом, звучащий подобно внутреннему голосу, может оказаться важнейшим источником информации, говорит Б. Ахмадулина:

*Что он диктует? И есть ли навес –
Нас унести от любви его лютот?* [3, с. 89]

О некоей «диктующей» инстанции упоминают исследователи психологии творчества. Эта инстанция помогает детям-«индиго» сводить воедино разные информационные потоки, унифицировать и организовывать знаковые коды, являющиеся духовными отголосками ноосферы, к чьим обращениям такие дети особенно чувствительны.

Всегда ли информация, кажущаяся таким детям (а впоследствии – таким взрослым) внешней, надиктованной, появляется именно тогда, когда в ней ощущается необходимость? Нет, не всегда. И когда она случайна, спонтанна, возникают ситуации внутренней паники; а если эта информация становится достоянием родителей, – те в ужасе размышляют о страшной болезни, поразившей их ребенка.

К примеру, девочка-дошкольница, увидев на экране Ельцина, словно слышит: «Не буду». Причем это «Не буду» содержательно не имеет ничего общего с сюжетом и ситуацией. Или, увидев знакомую даму-кассира, мальчуган ощущает: «Ну, что ж ты?» – ощущает настолько отчетливо, что однажды произносит это вслух, увидев ту женщину, – к ужасу матери, идущей с ним. Эти «Не буду» и «Ну что ж ты?» становятся предикатами образов, появляясь в памяти, как только ребенок увидит знакомое лицо. И пройдет немало времени, прежде чем повзрослевшие и намерть перепуганные дети, оба

отчетливые аудиалы, сознают: в свое время они впервые увидели лица Ельцина и дамы-кассира, одновременно услышав те же самые слова. Увиденное и услышанное оказалось в неразрывной связи, образовав то, что теоретики НЛП называют «якорением». Установившийся аудиальный «якорь» стал однозначно указывать на визуальное (лицо человека), объединив их механизмом импринтинга. При этом в «якорении» принимает участие не слово как таковое, безотносительно к формальным признакам, а вполне конкретный звуковой комплекс. Тот же ребенок, услышав от матери: «И что она?» – поправляет: «Нет. Ну что ж ты?» – в «якорении» участвует не смысл, а только звук.

Совсем маленький ребенок, увидев металлическую мачту ЛЭП, показывает на нее: «Кандёти!». Что с ним такое? Он, скорее всего, не знает, что это мачта ЛЭП, но откуда взялось его странное слово? Должно было пройти время, чтобы он вспомнил: когда он впервые разглядывал мачту, не зная, естественно, что это такое, – услышал голос соседки, обращавшейся к матери: «Куда идете?» Но, говорившая чересчур торопливо, а потому глотавшая и нечетко артикулировавшая соседка произнесла именно то, что осталось в детской памяти: «Кандёти». Так услышанное и увиденное соединились, образовав в концептосфере ребенка неразрывную связь.

Сутью «якоря», возникающего в детском сознании как ассоциативная интерференция увиденного и услышанного, способно оказываться слово; правда, оно может заключать не информацию, а «информационный повод», приводящий к неожиданному пересечению параллельных линий. У взрослых такой «повод» ознаменован состоянием крайней взволнованности, открывающей внешнему импульсу дорогу прямо в подсознательное. У детей «якорение» возникает как неожиданная пауза в познании мира – или, наоборот, как информационный вброс, оказывающийся неожиданным при осмыслении феноменов окружающего мира и самопознании.

Названные дети не обнаруживали никакой специфики в восприятии и использовании слов из стандартного словаря; роль «якоря» у отдельных слов оказалась абсолютно случайной, никак не связанной со словарным смыслом высказываний. Еще можно сделать вывод, что такие «якоря» оставались всецело внутри индивидуального смыслового контекста, что прекрасно понимали ребята.

Можно говорить, что во всех показанных случаях имели место особенности детской памяти, но едва ли – особенности картины мира, поскольку она, насколько можно судить, была вполне эквивалентной реальности и практически не отличалась от такой же картины мира у сверстников.

Между тем картина мира у детей, называемых «индиго», может существенно отличаться от «стандартной» – разумеется, в ее частных проявлениях. Откуда, к примеру, странная уверенность, с какой они говорят о предметах, им совершенно незнакомых? Интуиция? Внутренняя гармония, в которую по непонятному стечению обстоятельств организовался вовсе не изученный ими мир?

Второклассник едет с теткой и двоюродным братом, ее сыном, в автобусе. Он всматривается в темноту зимнего вечера: важно не пропустить остановку, где им выходить – и, выйдя, идти полтора километра по направлению к поселку, куда они возвращаются из поездки к родственникам. Остановку он все-таки пропустил – а водитель, видя, что к двери никто не подошел, и не тормозил. Мальчуган виновато смотрел то на тетку, думающую, как быть, то на двоюродного брата. И – внезапно – через две остановки кинулся к двери: «Выходим!». Когда ничего не понимающие родственники перешли вместе с ним на другую сторону шоссе, готовясь идти к поселку не полтора километра, а все четыре, – перед ними открылись двери автобуса, который четыре раза в день ходил оттуда прямо в поселок.

– Ты знал расписание? – осторожно спросила тетка.

Но, даже если бы так, – часов у него не было все равно! Тогда откуда он знал, что, выйдя на незнакомой остановке, они окажутся у дверей автобуса, что идет прямо к ним в поселок? Ответа на этот вопрос не дал бы он сам.

Исследователи психологии детей-«индиго» подчеркивают, что их развитие сопровождается невероятной родительской любовью; ощущать себя любимым – заведомо означает реализовать способности, которых не видят в себе остальные. Когда же родители, напуганные неожиданными познаниями отпрыска, скрывают свою любовь за тревожной растерянностью, – способности могут ослабиться, если не исчезнут совсем. Важно, чтобы и учитель на уроке создавал для таких детей исключительно позитивный фон.

Но способности талантливых детей вполне могут быть врожденными, не зависящими от социальных условий! Могут. Только проявление этих способностей, тем более – их развитие зависит от благоприятной обстановки вокруг. Благоприятной – невзирая на особенности характера одаренного ребенка, кажущегося то чересчур развязным, то слишком эгоистичным, то недопустимо самостоятельным, то предосудительно безразличным к окружающим. Иногда таких детей трудно не упрекнуть в категоричности, иногда – в неконформистской прямолинейности...

Она была учительницей географии. Из тех, о ком говорят: «Звезд с неба не хватает». Она смертельно ненавидела вечно готовых шуметь детей, изо дня в день повторяющиеся карты, глобусы, указки... Придя домой, раздраженно фыркала, услышав жалобы неудачника-мужа и оправдания троечника-сына. Всего два десятка лет назад она, первая ученица класса, вполне осознала себя художницей, и даже выставлялась. А еще – писала рассказы в районную газету, и были читатели (она это знала точно), которые читали «районку» в первую очередь из-за этих рассказов. Мать, учительница, приходила в ужас от дочерних вопросов и суждений: «Что-то выйдет из тебя? Будь как все – люди тебя уважать будут». Когда не стало матери, она, снедаемая чувством вины, пошла работать в школу. И стала как все.

А такие дети не могут быть «как все», и взрослым осознать это невероятно трудно...

Литература

1. Тынянов, Ю. Н. Пушкин / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Книга, 1983.
2. Набоков, В. В. Дар / В. В. Набоков. – Москва : Соваминко, 1990.
3. Ахмадулина, Б. А. Стихотворения / Б. А. Ахмадулина. – Москва : Худож. литература, 1988.